

Эволюция военной политики ФРГ после объединения

Пархитько Н. П.

В статье рассматривается процесс эволюции военной политики ФРГ с учетом определенных доктринальных изменений в стратегии НАТО и отражение этих изменений в позиции ФРГ в таких вопросах, как расширение функций вооруженных сил, конкретизация опасностей и угроз для НАТО и ФРГ, а также применение вооруженных сил блока за пределами сферы ответственности НАТО. Особое внимание уделено адаптации внешней политики ФРГ к изменившимся стратегическим условиям в Европе и мире после прекращения биполярного противостояния и объединения двух германских государств, включая изменение роли страны в рамках НАТО и укрепление стратегических позиций Германии после расширения блока в восточном направлении.

После окончания блокового противостояния ФРГ осталась обладательницей 665-тысячной армии. Поэтому уже в 1991 г., по условиям достигнутых в ходе объединения страны договоренностей¹ с державами-победителями, руководством ФРГ было принято решение сократить численность вооруженных сил к 1994 г. до 370 тысяч человек². Кроме того, предполагалось утилизировать до 10 тысяч единиц различной боевой техники. Реформа бундесвера, адаптация его к новым условиям не должны были противоречить роли Германии как члена НАТО и участницы строительства «единой Европы». В ноябре 1991 г. в Риме министры обороны стран-участниц НАТО рассмотрели цели и задачи Североатлантического союза после завершения «холодной войны».

В конце декабря 1991 г. главнокомандующий бундесвера Клаус Науман представил министру обороны ФРГ Г. Штольтенбергу документ «Военно-политические и военно-стратегические основы и концептуальное основное направление переустройства бундесвера»³, получивший название «доктрины Наумана». В отличие от конституционных норм, «доктрина Наумана» допускала возможность участия бундесвера в военных конфликтах, правда, лишь в рамках натовских операций и в миротворческих операциях ООН. Эти положения и в ФРГ, и за рубежом вызвали дискуссию. Критики «доктрины Наумана» обвиняли военное руководство ФРГ в милитаризации государства. По их мнению, доктрина могла бы создавать впечатление, что Германия стремится быть не только экономическим гигантом

Европы, но и «военно-экономическим монстром»⁴. Кроме того, принятие доктрины в ее первоначальном виде грозило бы Германии также обострением отношений с Францией.

Поэтому в ноябре 1992 г., через год после появления «доктрины Наумана», новый министр обороны ФРГ Фолькер Рюэ издал документ, получивший название «Директивы оборонной политики» (Verteidigungspolitische Richtlinien). Необходимость новой военной стратегии ФРГ Ф. Рюэ обосновывал тем, что:

- Германия не является более «прифронтовым плацдармом», напротив, она граничит с государствами, которые являются либо дружественными, либо союзными;
- Германия более не находится в зоне возможного стратегического наступательного удара, равно как и не является частично оккупированным государством;
- вместе с тем возрастает опасность, связанная с возникновением новых конфликтов как в Европе, так и вне ее. Эти конфликты представляют угрозу безопасности ФРГ⁵.

Концепция Ф. Рюэ подразумевала, что Федеративная Республика Германия должна играть свою роль в решении таких задач, как:

- содействие демократизации и социально-экономическим преобразованиям в Европе и в мире в целом;
- поддерживать и сохранять свободную мировую торговлю и содействовать беспрепятственному

Пархитько Николай Петрович — аспирант Кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России; e-mail: vestnik@mgimo.ru

доступу к рынкам и сырьевым источникам в глобальном масштабе.

Названные «директивы» — первый с 1985 г. документ подобного рода, не засекреченный и преданный официальной огласке. Он интересен тем, что заложил основы таких фундаментальных документов по военной политике ФРГ, как Белая Книга 1994 г.⁶ и Федеральная концепция развития вооруженных сил, датируемая тем же годом⁷. Ключевыми положениями вышеприведенных документов следует признать определение национальных оборонных интересов и приоритетов ФРГ, в том числе связанных с европейской военно-политической интеграцией:

- защита Германии и ее населения от внешних опасностей и политического шантажа;
- предотвращение, сдерживание и устранение кризисов и конфликтов, которые могут повлиять на целостность и стабильность ФРГ;
- сохранение союзнических связей по НАТО с ядерными и морскими державами, поскольку Германия является неядерным, континентальным государством.

Ф. Рюэ уделил особое внимание не только проблеме военной безопасности ФРГ, но и защите союзников перед лицом внешних угроз. В директивах Ф. Рюэ вооруженные силы рассматривались как неотъемлемый инструмент политики безопасности, позволяющей противостоять агрессии вместе с союзниками. «Директивы оборонной политики» ФРГ предусматривали, что германские вооруженные силы должны быть готовы к участию в операциях за пределами ФРГ. Речь шла, в первую очередь, о миротворческих операциях в рамках ООН и ЗЕС, позднее к этому списку добавились и операции в рамках НАТО.

Список угроз безопасности для ФРГ, названные в директивах Рюэ, вполне соответствовал угрозам, представленным в приложении к стратегической концепции НАТО 1991 г. В ней «Восток» воспринимался неоднозначно. С одной стороны, Россия и другие государства постсоветского пространства считались зоной экономической и политической нестабильности. В то же время эти государства рассматривались как потенциальные партнеры в деле обеспечения безопасности в Европе. Весной 1993 г. Фолькер Рюэ во время визита в Москву подписал первое российско-германское соглашение о сотрудничестве вооруженных сил двух государств. Через год — в 1994 г., — НАТО представила программу «Партнерство ради мира», которая предусматривала, в частности, сотрудничество с государствами бывшего Варшавского договора.

Германский министр обороны уделил особое внимание и такому важному элементу безопасности, как безопасность информационная. Последняя подразделялась на две части. «Внешняя информационная безопасность» предусматривала описание тех или иных действий ФРГ в военной области в нужном

свете как для союзников, так и для потенциальных противников — как минимум, и ведение информационной войны в случае острой необходимости, равно как и способность успешно противостоять ей — как максимум. «Внутренняя информационная безопасность» заключалась в информационно-разъяснительной работе среди собственного, немецкого населения о тех или иных мерах, предпринимаемых правительством и военным министерством ФРГ в области обороны и военной политики в целом. Способность участников военно-политических информационно-коммуникативных процессов обращаться с информацией, эффективно её реализовывать в интересах военной политики считалось руководством ФРГ важной задачей. Оно исходило из того, что «коммуникация выполняет ключевую функцию для обеспечения взаимного понимания и доверия»⁸.

В нормативных документах бундесвера содержалось прямое указание для командного состава «воздерживаться от высказывания личного мнения... по вопросам политики безопасности»⁹. По мнению руководства бундесвера, «военнослужащие воздействуют на общественное мнение выражением оценки условий службы, вооружения и боевой подготовки и своими выступлениями и поведением. Поэтому военнослужащий должен осознавать, что он всегда, вольно или невольно, на виду у общественности»¹⁰.

Весной 1994 г. министерство обороны ФРГ работало еще один документ — «Белую книгу по безопасности и обороне». В ней ряд положений «Директив» 1992 г. получил более детальное освещение. Основываясь на принципе коллективного регулирования кризисов, зафиксированном в «Директивах» 1992 г., составители «Белой книги» допускали возможность вмешательства Германии в конфликты и кризисы в других странах на основе легитимного международно-правового мандата и в рамках действий таких организаций, как ООН, ОБСЕ, НАТО, ЗЕС¹¹.

Бундесвер мог участвовать в поддержке союзнических миссий НАТО по урегулированию конфликтов. «Белая книга» говорила о таких задачах бундесвера, как «защита Германии и ее граждан от внешней опасности и политического шантажа; укрепление военной стабильности и европейской интеграции; защита Германии и ее союзников; защита мира и международной безопасности в соответствии с Уставом ООН; менеджмент катастроф, спасение жизней и поддержка гуманитарной деятельности; использование военных средств, которые позволят предотвратить, ограничить или прекратить насилие или войну»¹². Бундесвер должен был содействовать укреплению европейской интеграции, развивать диалог с «новыми» демократиями Европы, и оказывать им помощь в обучении их вооруженных сил.

В рамках реконструирования бундесвера предполагалось создание к 1996 г. сил кризисного реагирования в количестве 50 тысяч человек. Эти силы

должны были включать в себя не только сухопутные подразделения, но также и части ВВС для воздушной поддержки операций союзников, включая и случаи с применением ими ядерного оружия. Это предполагало значительные финансовые субсидии. Начиная с осени 1990 г., к осени 1996 г. на реформу бундесвера было затрачено порядка 128 миллиардов германских марок. В эту сумму входило приобретение систем «Патриот», морских фрегатов, тактических систем ПВО, танков и самоходных установок. В таких отраслях, как артиллерия, танки, детекторы химического оружия, производство мин, подводные лодки, бундесвер и германский ВПК заняли одно из ведущих мест в мире.

За два с половиной года завершился первый этап реформирования бундесвера, и после этого Бонн дал «зеленый свет» на участие сил кризисного реагирования ФРГ в операциях НАТО на территории Боснии и Герцеговины. С середины 90-х гг. внешнеполитические возможности правительства Г. Коля постепенно дополнялись военными инструментами. Начиная с 1991 г., бундесвер участвовал в серии гуманитарных мероприятий: первым из них стало участие бундесвера в «гуманитарной» миссии на территории бывшей Югославии, хотя сам характер миссии вызывает серьезные сомнения в «гуманитарности» своего происхождения. Осуществлялась перевозка грузов (воздушный лифт) в Сараево, поддержка миротворческих сил ООН, помощь гуманитарным организациям, поставка с воздуха гуманитарной помощи в Восточную Боснию¹³. В марте 1993 г. конституционный суд ФРГ в Карлсруэ принял решение в пользу участия бундесвера в операции уже по контролю зоны запрета полетов над Боснией и Герцеговиной.

Германское военное руководство в первой половине 90-х гг. не обошло вниманием и прогнозируемое расширение НАТО. Хотя напрямую этот вопрос тогда еще не обсуждался, уже в мае 1993 г. министр обороны ФРГ Ф. Рюэ в ходе парламентской сессии Североатлантической ассамблеи, проходившей в Берлине, высказался за принятие в НАТО государств ЦВЕ. Официальную же позицию германского руководства по данному вопросу выразил федеральный министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель, выступивший 6 октября 1994 г. в Кобленце перед генералитетом бундесвера и призвавший к расширению блока за счет государств указанного региона¹⁴.

Формирование новой концепции безопасности ФРГ создало и предпосылки для внесения соответствующих изменений в Основной закон ФРГ. 12 июля 1994 г. Конституционный суд ФРГ принял решение об отмене поправки 1982 г. к 24-й главе Основного закона, запрещавшей участие бундесвера в военных операциях за рубежом. Решением Конституционного суда были сняты какие-либо «конституционные возражения» против участия Германии в санкционированных ООН операциях по установлению и поддержанию мира. Суд решил, что Основной закон

допускает участие бундесвера в мерах по обеспечению коллективной безопасности, в том числе в миротворческих миссиях НАТО и ЗЕС¹⁵.

Вердикт Конституционного суда позволял правительству ФРГ, хотя и лишь на основании мандата СБ ООН, при одобрении простым большинством Бундестага, отправлять части бундесвера для участия в тех или иных международных миротворческих операциях за пределами традиционной оперативной ответственности НАТО. Таким образом, несмотря на тот факт, что «первый раз после восемнадцатого века Германия не подвергается непосредственной военной угрозе, которая могла бы перерасти в общеконтинентальную войну»¹⁶, нынешние положения, регламентирующие применение сил бундесвера, «весьма далеки от чисто оборонительных задач, как они первоначально формулировались в статьях 24 и 87а Основного закона ФРГ»¹⁷.

Постановления Конституционного суда вкупе с кровавыми событиями в Боснии вызвали к жизни межпартийные дебаты в Германии. Будущий министр обороны ФРГ Р. Шарпинг и один из ведущих экономистов страны Г. Ферхойген выступали за участие бундесвера как в миссиях по поддержанию мира, так и в миссиях по его принуждению. Оппозиционной же СДПГ не удалось занять единую позицию по этому вопросу. Единственное, с чем были согласны все ее члены — отказ санкционировать любое использование бундесвера вне рамок традиционной зоны ответственности НАТО без четкого мандата СБ ООН¹⁸.

Летом 1995 г., через год после отмены конституционной поправки 1982 г. Ф. Рюэ объявил о готовности ФРГ к участию в операции НАТО по поддержке миссии UNPROFOR. В июне 1995 г. правительство одобрило участие Германии в силах быстрого реагирования, которые были призваны защищать силы ООН в Боснии. Контингент Германии был определен в размере 1500 – 1700 человек. В основном это был медицинский и обслуживающий персонал для совместной франко-германской полевой больницы в Хорватии, а также 12 единиц транспортных самолетов Transall C-160, 2 наблюдательных самолета, 8 боевых самолетов «Торнадо» и 6 разведывательных самолетов этого же типа. 28 июня 1995 г. комитет Бундестага по обороне и внешней политике одобрил решение правительства. Использование самолетов было ограничено целью защиты сил быстрого реагирования, а также прикрытием миссии ООН в случае ее выхода за пределы территории Боснии. Возможность участия вооруженных сил Германии за пределами, собственно, территории самой Германии впервые с момента окончания Второй мировой войны, трактовалась тогда как предпосылка «успешного предотвращения кризиса, вытекающая из улучшения способности распознавать кризисы и конфликты на начальном этапе их возникновения»¹⁹.

24 октября 1995 г. правительство Г. Коля одобрило размещение персонала бундесвера для участия в межнациональных миротворческих силах в бывшей Югославии. Характерно, что обошлось это Германии в финансовом выражении от 500 до 700 миллионов немецких марок в год²⁰. Бригада бундесвера составляла 4000 человек, включая 2 батальона полевых подразделений и парашютистов, в том числе около 180 солдат, приписанных к войскам НАТО; 400 моряков, размещенных на 2-х фрегатах в Средиземном море; 700 человек персонала воздушных сил, которые с 31 июля 1995 г. были размещены на воздушной базе в Пьяценге, в Италии с 14 разведывательными самолетами «Торнадо»; персонал батальона логистики; 405 человек саперной роты и подразделение авиации²¹.

Батальон логистики обеспечивал другие подразделения НАТО маслом, топливом и смазочным материалом. Продолжала действовать полевая больница в Хорватии для всего контингента НАТО. Авиационное подразделение имело в своем распоряжении 15 тяжелых вертолетов и 15 военно-транспортных вертолетов. Подразделение инженеров было оборудовано снаряжением для починки мостов и дорог. Первая часть бригады была размещена в Хорватии 20 декабря 1995 г., остальные войска — к середине февраля 1996 г.²². Бундесвер Германии в рамках ИФОР в декабре 1995 г. первый раз после 1945 г. принимал участие в операциях по принуждению к миру за пределами территории ФРГ.

Тенденция к сокращению военного присутствия США в Европе в начале 1990-х гг. послужила причиной также для активизации сотрудничества Бонна с Парижем. Совместные усилия ФРГ и Франции в области военных разработок вылились в программу создания системы спутникового наблюдения Гелиос 1а и Хорус, а также в усилия по созданию европейского истребителя нового поколения и европейского военно-транспортного самолета А400. Однако реализация этих проектов в начале-середине 90-х годов не удалась. В 1995 г. Ф. Рюэ заявил, что ФРГ не заинтересована в продолжении участия в программе по созданию системы спутникового наблюдения «в силу дороговизны проекта». В свою очередь Париж «не воспринял всерьез» проект А400, в силу наличия более простых решений, предлагаемых американскими корпорациями.

В итоге, в военной концепции ФРГ в 1990-е гг. произошли значительные сдвиги. Были сформулированы пять основных принципов, на которых должна строиться политика ФРГ в области национальной и европейской безопасности в постбиполярный период истории:

1. основой политики должна служить всеобъемлющая концепция безопасности, требующая тесного взаимодействия всех секторов механизма политического управления;
2. разработка программы «общего пространства безопасности», подразумевающего региональную,

трансрегиональную и глобальную взаимозависимость;

3. развитие разработки «ориентации на стабильность», т.е. признания важности невоенных аспектов безопасности;
4. взаимодействие с союзниками в рамках НАТО и ЗЕС будет оставаться фундаментальной практической базой для ответа на будущие вызовы безопасности;
5. Организация коллективных европейских оборонных структур с многонациональными воинскими подразделениями во избежание концентрации чрезмерного военного потенциала у какого-либо одного государства²³.

В соответствии с новыми установками была произведена реорганизация германских вооруженных сил. Теперь бундесвер включил в себя «главные оборонительные силы» и силы «реагирования на кризисные ситуации». Состав «сил реагирования», которые комплектуются исключительно за счет добровольцев, представляется довольно внушительным. При численности в 54 тысячи человек, они в начале XXI века имели три воздушно-десантные бригады, три танковые бригады, мотопехотную бригаду, смешанную франко-германскую бригаду, шесть авиационных эскадрилий, одиннадцать эскадрилий ПВО, а также несколько боевых кораблей и морскую авиацию. В их вооружение входили 440 танков, 220 гаубиц и 90 минометов крупного калибра.

Несмотря на заметные изменения в политике безопасности страны и на очевидную подготовку к расширению экономического и политического влияния Германии в Европе, а в перспективе — и во всем мире, внешнюю политику ФРГ периода правления канцлера Г. Коля можно охарактеризовать как продолжение внешнеполитического курса прежних правительств. По крайней мере, именно такой вывод напрашивается при анализе отношений ФРГ со своими традиционными союзниками в Западной Европе и новыми партнерами в Восточной Европе. С другой стороны, к концу срока полномочий канцлера Г. Коля подобное обстоятельство выявило «несоответствие нового качественного состояния немецкого государства, ориентировавшегося на старое качество внешнеполитических концепций»²⁴.

В Соединенных Штатах довольно оперативно выявили новые тенденции в политике Германии еще в период предвыборной кампании 1998 г. «Отдельные германские политические лидеры начали прививать своим соотечественникам мысль о том, что Германия должна играть более активную роль»²⁵ — это мнение американского политолога Р. Целлика, высказанное, очевидно, о Г. Шредере.

В первый срок пребывания на посту канцлера Г. Шредера внешняя политика Германии оперировала двумя ключевыми идеями — преемственности и нормальности. Преемственность германской внешней политики обуславливала ее стабильность.

Это и понятно — ведь последовательность германской внешней и внутренней политики во многом лежала в основе европейской политики в целом²⁶. В то же время, Г. Шредер придерживался мнения о том, что Германия в международных делах может вести себя как любая другая страна. Был взят курс на «преодоление германским государством негативных и связывающих последствий прошлого, отказ от прежних самоограничений во внешней политике, занятие нового места в международной политической системе, адекватно отвечающего возросшему весу и значению ФРГ»²⁷.

На совещании дипломатических представителей ФРГ в конце сентября 2000 г. Федеральный канцлер Г. Шредер совершенно ясно высказал претензию ФРГ получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Такая претензия со стороны Германии звучала отнюдь не впервые, так как еще в сентябре 1992 г. министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель официально заявил о желании Германии «получить место в Совете Безопасности»²⁸.

Затрагивая сферу безопасности, министр иностранных дел Германии Й. Фишер высказался за отказ от натовской концепции превентивного ядерного удара. В программные документы военного руководства ФРГ в конце 1990-х гг. также впервые были включены слова «разоружение, в том числе и в области ядерных вооружений»²⁹. Ранее лидеры страны говорили лишь о «контроле над вооружениями».

Позиция германского правительства вполне понятна — в свете того, что обретение Германией ядерного оружия было невозможно, то через процесс ядерного разоружения и лишения других ядерных держав стратегического преимущества по отношению к Германии, она получила бы возможность укрепить свои позиции на мировой арене. А поскольку Германия к началу XXI в. по ряду традиционно важных критериев для определения роли и места государства в мире имела весьма прочные показатели, то Г. Шредер счел возможным ставить вопрос о соответствующем повышении ее международного статуса.

В этом же русле развивались и практические шаги ФРГ в области политики безопасности. Германия направляла свои воинские формирования в Сомали, Боснию, Сербию, участвовала во многих других миссиях под эгидой ООН, ОБСЕ, а также и НАТО. Особую активность она проявила в косовском конфликте. Позиция ФРГ, наряду с США, определила решение НАТО на военное вмешательство в данные события³⁰. Об активном участии ФРГ в конфликте вокруг Косово говорит и назначение командующим силами НАТО в Центральной Европе немецкого генерала К. Рейнхардта.

К моменту событий 11 сентября 2001 г. в США, Германия уже не раз подкрепила свою новую роль в международных отношениях, в том числе, участием в миротворческих операциях в уже упомянутом Косово, а также Македонии и Афганистане, в которых было задействовано около 10000 солдат бундесвера.

Выступая в Бундестаге сразу после 11 сентября, Г. Шредер констатировал, что теперь ФРГ не может ограничиваться оказанием союзникам «второстепенной помощи» гуманитарного или финансового характера. Этот этап германской политики, по его мнению, был «безвозвратно пройден»³¹. Эти слова можно было воспринимать и как своеобразную жалобу на недооценку ФРГ со стороны союзников (в первую очередь, со стороны США), и как проявление амбициозности.

Вскоре после событий 11 сентября 2001 г., Г. Шредер стал активно выступать за реформирование не только союзнических отношений между ФРГ и США в пользу большей «свободы рук» для Германии, но и за перемены в трансатлантическом сотрудничестве в целом. Й. Фишер считал, что трансатлантические отношения должны обновляться, но не в ущерб сотрудничеству ФРГ с США. Если Г. Шредер делал акцент на государственных интересах Германии, то Й. Фишер подчеркивал, что приоритетом для Германии должно быть дальнейшее развитие европейской интеграции, и в то же время — поддержание нормальных отношений с США. По мнению Й. Фишера, Германия должна вести себя как «суверенная цивилизованная держава», которой нет нужды специально доказывать другим странам свой независимый статус.

Существенные изменения в лексиконе германских политиков стали замечаться накануне и в период выборов в Бундестаг 22 сентября 2002 г. И Г. Шредер, и его соперник Э. Штойбер при обсуждении проблем международной политики подчеркивали, что роль Германии в мире «фундаментально меняется, соответственно, от нее требуется определить свой германский путь»³² в международных отношениях. Оба кандидата заявляли, что вместо прежнего «реагирования на решения других» Германия должна отныне действовать инициативно.

Морально-политической основой «нового позиционирования» страны называлось осознание Германией своей «новой ответственности». Это понятие стал широко использовать еще в 1991 г. тогдашний министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер. Он считал, что после объединения Германия получила «наказ на усиление ответственности за свободу, демократию и человеческое достоинство»³³. Но в интерпретации данного понятия Г. Шредером были свои особенности. Он в 2001 г. выдвинул тезис о «новом самосознании германской внешней политики», увязав его с необходимостью совмещать это со статусом Германии как державы, имеющей не только обязанности, но и возможности одного из мировых лидеров.

Подобные заявления Г. Шредера вызвали во многих странах, прежде всего, у соседей Германии, беспокойство. Оно было похоже на то, которое сопровождало объединение страны в 1990 г. Ведь, согласно известному историческому стереотипу, Германия, имея мощный внутренний потенциал и начиная претендовать на подобающее «место под солнцем»

в мировом масштабе, была способна посягнуть на интересы других народов. Поэтому слова Г. Шредера о «германском пути», об «особой ответственности» Германии и т.п. привели к многочисленным критическим комментариям, как в Германии, так и за рубежом. Одни усмотрели в этих словах «невыносимое высокомерие», претензию на то, что «берлинская политика достигла более высокой ступени разумности», чем, например, политика Вашингтона³⁴. Другие предположили, что Г. Шредер так желает обосновать свое намерение уклониться от солидарности с союзниками.

Понимание этих обстоятельств побуждало Г. Шредера и его правительство не только стараться избегать после 2002 г. использовать такие выражения, как «германский путь», но и активизировать свое содействие таким общим проектам западных стран, как дальнейшее расширение и углубление европейской интеграции и реконструкция НАТО.

Одним из главных изменений в германской внешней политике 1990–2000-х гг. стало постепенное включение в ее инструментарий военных средств. Причем, речь идет не только об участии ФРГ в тех или иных миротворческих или военных операциях за пределами своей территории, но и о таком важном компоненте, как экспорт оружия за рубеж. Германский экспорт вооружений оценивается миллиардами евро (порядка 2–3 млрд. в год). В этой сфере Германия занимает одно из ведущих мест в мире, занимая третье место в рейтинге стран-экспортеров оружия, после США и России, опередив Великобританию и Францию.

Первый бум экспорта вооружения в Германии пришелся на конец 70-х годов прошлого столетия. В 1999 г. на долю Германии приходилось примерно 5% мирового рынка вооружений. Страны Евросоюза потребляют 57% военного экспорта из Германии. За последние 10 лет объем проданного в европейские страны немецкого оружия увеличился более, чем вдвое. Общую стоимость экспортированных на мировой рынок немецких вооружений за период с 2004 по 2008 гг. эксперты оценивают в 11,5 млрд. долл.³⁵

Приблизительно половина экспорта германских вооружений в последнее десятилетие пришлась на военные морские суда (прежде всего, подводные лодки), четверть — на поставки танков и бронетранспортеров. Основными покупателями стали Турция, Греция, Австралия, Южная Африка и Южная Корея. Поставки также осуществляются и в «проблемные» страны, такие, как Ангола, Египет, Оман и Пакистан.

Кроме того, после временного сокращения Германией расходов на оборону в период с 1990 по 2003 гг. (примерно с 32 млрд. евро до 23 млрд.), в настоящий момент имеются данные, свидетель-

ствующие о постоянном росте расходов на оборону. Такая тенденция наблюдается в Германии с 2006 г., а в 2008 г. расходы на военные нужды вновь возросли и достигли рекордного уровня — 35,3 миллиарда евро (это примерно 46 млрд. долл. США). От ВВП страны это составляет порядка 1,4%³⁶. Значительная часть оборонного бюджета тратится на закупки новых вооружений — 5,3 миллиарда евро³⁷. Отметим, что в списке стран с наиболее крупными расходами на оборону за США следуют Китай, Россия, Индия, Великобритания, Саудовская Аравия, Франция, Япония, ФРГ, и Италия³⁸.

С приходом к власти нового канцлера А. Меркель в 2005 г., позиция ФРГ по вопросам внешней политики претерпела некоторые формальные изменения, сохранив в целом концептуальную направленность. Дискуссия в отношении НАТО и совокупных союзнических обязательств стала более «приятной на слух» для Вашингтона, а тезисы относительно «германского пути» или «немецкого подхода» практически полностью исчезли из политического лексикона высшего германского руководства.

В остальном же, внешняя политика Германии после обновления высшего руководства страны и изменения его партийности, сохранила свои основные черты:

- дальнейшая экономическая экспансия на европейском и мировом рынке;
- расширение сотрудничества с основными партнерами — США, ЕС, Япония, КНР;
- расширение и углубление европейской интеграции;
- сохранение военного присутствия ФРГ за рубежом.

Summary: *The article is devoted to the problem of the German military policy reformation on the basis of the doctrine-forming documents of the Federal ministry of Defense in tight connection with the transformation of the main strategic document of the NATO — the Strategic concept of the Alliance. The strengthened functions of both the NATO and German military forces as well as the concretized list of the threats and dangers to the NATO and Germany, that legalizes using of military forces outside of the NATO and German jurisdiction, is in the focus of the article. The adaptation of Germany to the changed strategic situation in Europe and in the world after the German unification and the end of the bipolar confrontation, including the growing role of Germany within the NATO and its strategic enforcing after the NATO-enlargement to the East, is the object of the research.*

Ключевые слова

концепция; Бундесвер; трансформация; Фолькер Рюэ

Keywords

concept; The Bundeswehr; Transformation; Volker Ruehe

Примечания

1. См: Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, ст.3 п.2. Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII.- М., 1994. С. 34–37.
2. См: Weißbuch 1994 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr, Bonn, 1994.
3. Naumann K. Bundeswehr und Verteidigung //Das Parlament. Oktober 1992. № 41,2. S.15.
4. Иммангалиев Р.Н. Новая Германия в меняющемся мире. Международное положение и внешняя политика Германии. Казань: Новое знание, 2006, с. 67.
5. Der Bundesminister der Verteidigung. Verteidigungspolitische Richtlinien. Bonn. November 26, 1992.
<http://www.uni-kassel.de/fb5/frieden/themen/Bundeswehr/vpr1992.html>
6. Weißbuch 1994 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr, Bonn, 1994.
7. Konzeptionelle Leitlinie zur Weiterentwicklung der Bundeswehr. Bonn: Informationsstab, Bundesministerium der Verteidigung, 1994.
8. Weißbuch 1994 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr, Bonn, 1994 — S.150.
9. См.: Merkschrift Innere Führung, ZDv 10/1, Februar 1993, Art. 220.
10. Merkschrift Innere Führung, ZDv 10/1, Februar 1993, Art. 363.
11. Иммангалиев Р.Н. Новая Германия в меняющемся мире. Международное положение и внешняя политика Германии. Казань: Новое знание, 2006, с. 68.
12. Weißbuch 1994 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr, Bonn, 1994 S. 39.
13. Weißbuch 1994 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr, Bonn, 1994 S. 336.
14. Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Bulletin. — Bonn, 1994.den 8.Oktober. — № 93. — S.862.
15. См: Основной Закон ФРГ, ст.87a., Hans D.Jarass, Bodo Pieroth: Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Kommentar. Beck, 10. Auflage 2009.
16. Die Welt (Hamburg). Februar 6, 1993.
17. А. Г. Анисимов, Актуальные проблемы социально-экономического и политического развития / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ. — 1999 . — стр. 22
18. Philippi, Nina. Bundeswehr Auslandseinsätze als aussen- und sicherheitspolitisches Problem des geeinten Deutschlands//Europäische Hochschulschriften. — Reihe 31. 1997. — Band 318 — S. 127.
19. Sicherheitspolitik in neuen Dimensionen: Kompendium zum erweiterten Sicherheitsbegriff /Bundesakademie für Sicherheitspolitik (Hg.).– Hamburg: Mittler, 2001. — S. 865.
20. Lefebvre, Stephane; Lombardi, Ben. Germany and peace enforcement: participating in the IFOR// European security. — Vol. 5. — 1996. — No 4 (Winter). — P. 581.
21. Иммангалиев Р. Н. Новая Германия в меняющемся мире. Международное положение и внешняя политика Германии. Казань: Новое знание, 2006, с. 71.
22. Там же.
23. Der Bundesminister der Verteidigung. Verteidigungspolitische Richtlinien. Bonn. November 26, 1992.
<http://www.uni-kassel.de/fb5/frieden/themen/Bundeswehr/vpr1992.html>
24. Погорельская С. В. Некоторые аспекты европейской политики объединенной Германии /С.В. Погорельская // МЭ и МО. — 2000. — №1. — С.91.
25. Целлик Р. Прощание с самоограничением. Германская внешняя политика глазами США // Intern. Politik. — 1998. — № 12 / <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru>
26. Шварц Х.-П. Центральная держава Европы идет последовательным курсом // Intern. Politik. — 1999. — № 11
27. Воробьева Л.М. Формирование новой внешней политики объединенной Германии: проблемы и перспективы (политологический анализ): Автореф. дис. д. полит. наук / Воробьева Л.М.. — М., 2001. — С.24.
28. Цит. по Бюллетень ООН №109. — 1992. — 14 сентября. — с. 1009.
29. Иммангалиев Р.Н. Новая Германия в меняющемся мире. Международное положение и внешняя политика Германии. Казань: Новое знание, 2006, с. 63.
30. См: Krause J. Deutschland und die Kosovo-Krise//<http://www.dgap.org>
31. Иммангалиев Р.Н. Новая Германия в меняющемся мире. Международное положение и внешняя политика Германии. Казань: Новое знание, 2006, с. 63.
32. Там же, с. 64.
33. Genscher H.-D. Erinnerungen. Seidler Verlag, 1995. S.199
34. Иммангалиев Р.Н. Новая Германия в меняющемся мире. Международное положение и внешняя политика Германии. Казань: Новое знание, 2006, с. 65.
35. Данные с сайта <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5155300,00.html>
36. NATO COMMUNIQUE PR/CP(2009)009. — В-1110 Bruxelles Belgique, P.6.
37. Материал взят с: <http://www.polit.ru/news/2009/05/14/germany.html>
38. По данным ежегодника СИПРИ, при сохранении существующей тенденции роста совокупных расходов на оборону, ФРГ в течение ближайшего десятилетия может прочно выйти на уровень Великобритании и закрепиться в пятерке лидеров по указанному показателю. Ежегодник СИПРИ: Вооружения, разоружения и международная безопасность. — М.: Наука. — 1996–2008 гг.